

Сакральная лексика древнейших рунических и нерунических кратких надписей как семиотический аспект передачи информации¹

А. В. Проскурина

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация: Анализируется сакральная лексика древнейших рунических и нерунических кратких надписей. Автор рассматривает особенности древних надписей с точки зрения разных конечных целей, поделив их тем самым на две тематические группы: 1) надписи, несущие в себе устойчивые магические формулы; 2) надписи, назначением которых является защита захоронений. Приводятся примеры «злых» и «добрых» рун, а также рун, употребляемых как самостоятельные слова. Автор указывает, что краткие рунические и нерунические надписи являются ярким примером передачи информации, их можно охарактеризовать с точки зрения кумулятивности, так как они ориентированы на передачу ценной информации из поколения в поколение.

Ключевые слова: Сакральная лексика, рунические надписи, нерунические надписи, апотропеическая функция, кумулятивность, аутореферентность, перформативные формулы.

УДК: 811.11'01'373:81'22:003.345:930.27.

Контактная информация: Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20. НГТУ. Тел (383) 3460257. E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com.

В древнейших рунических надписях присутствует большое количество сакральной лексики. Это свидетельствует о том, что кратким руническим надписям присуща апотропеическая функция, оберегающая захоронение рун от разграбления, как на момент создания надписи, так и на будущее время. Если бы человек намеривался совершить подобное злодеяние, то его остановил бы

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

собственный страх перед проклятием. «Не исключено, таким образом, что фонологическая информативность надписей, не в последнюю очередь определяющая их ценность для сравнительной грамматики, связана именно с их магической функцией: правильность расчленения звуковой оболочки слов служила условием действенности надписей, не рассчитанных на прочтение, и составляла одно из тайных умений рунического мастерства» [Смирницкая, 2008, с. 42].

Так, в древнейших рунических надписях регистрируются следующие примеры сакральной лексики: *alu*, *laukaR*, *auja*, *erilaR*, *lapu*, *laða*, *hAidRruno?*, *ungandiR*, *raginaku(n)do*, *gudija*, *ginugahelija?*, *lina* и *uþArAbAsbA*. Согласно пояснениям Э. А. Макаева, не исключена возможность объединения рун *alu* и общегерманское *Aluh* ‘пиво’. Не ясно, в какой мере в *alu* нужно усматривать самостоятельную лексему древнегерманского словаря со значением: ‘счастье’, ‘благоденствие’, ‘удача’ и ‘успех’. Возможное значение *Auja* – ‘благо’, ‘счастье’, ‘благополучие’. Относительно толкования слова *erilaR* Э. А. Макаев приводит мнение Улсена: этот рунический термин обозначает волшебника, мага. Улсен сравнивает его с лат. *Chaldeus* ‘халдей’, ‘волшебник’ и греч. *μάγος* ‘маг’, являющимся собственно названием иранской жреческой касты; *Laða* – возможно, то же слово, что и *lapu*, просто ошибочно написанное, типично для многих рунических надписей; *hAidRruno?* – точное значение слова пока не ясно. Пальмер предлагал значение ‘мастер рунического письма’. Краузе – ‘блестящие руны’; *ungandiR* – ‘неподдающийся колдовству’, ‘неуязвимый’; *raginaku(n)do* – ‘божественное происхождение’, ‘происходящие от высших сил’; *Gudija* – ‘священнослужитель’, ‘жрец’; *ginugahelija?* – примерно, ‘звучащий совместно’, ‘громко звучащий’; *Lina-* в сочетании *linalaukaR* обозначает магическую формулу; *uþArAbAsbA* – возможно, ‘злосчастное, гибельное предзнаменование» [Макаев, 2010, с. 118, 120, 122, 124, 126–127, 133, 137, 142].

Э. А. Макаев не приводит трактовку сакрального рунического слова *laukaR*. Однако его интерпретация обнаруживается в работе С. Г. Проскурина, в которой исследователь пишет, что *laukaR* – лук, и семантический контекст данной руны опирается на местные, глубоко специфические англосаксонские представления. Так, по мнению С. Г. Проскурина, В. Краузе опирается на мифологический контекст «Эдды», где лук в числе первых растений, которые появились на земле. Ведь именно в мифологии индоевропейских народов лук составлял атрибут фаллического культа [Проскурин, 1999, с. 211].

Отметим, что краткие надписи, имеющие апотропеическую функцию (функция отведения несчастья и зла), изначально характеризуются разными конечными целями. Следовательно, можно выделить надписи, назначением которых является защита захоронений, также существуют надписи, несущие в себе устойчивые магические формулы. Рассмотрим особенности таких древних рунических надписей с точки зрения разных конечных целей, поделив их тем самым на две тематические группы (табл. 1, 2). Данная классификация сакральной рунической лексики приводится впервые. Надписи взяты из книги Э. А. Макаева «Язык древнейших рунических надписей» [2010, с. 100–110].

Таблица 1

Надписи, несущие в себе устойчивые магические формулы

№	Лексема	Текст надписи, перевод и комментарии (название надписи)
1	alu	<ul style="list-style-type: none"> - Saralu – Рун. сакр. слово (Årstad); - Aluko – Не совсем ясно. Имя собств. ‘Алуко’? Рун. сакр. слово? (Førde); - Aaaaaaaagtrnnnbnmtttalu – Возможно, набор магических рун и рун. сакр. слово (Lindholm); - alugod – Неясно. Имя собств. ‘Алугод’? сакральное слово? (Værløse); - siRaluh – Неясно (Kinneved); - AlunaAlunanA – Неясно (Setre); - alu – Рун. сакр. формула (Körlin); - alu – Рун. сакр. формула (Nydán); - niujil alu – Возможно, имя собств. Ниуйила и сакр. слово (Darum 5); - alu – Рун. сакр. формула (Bjørnerud); - (hag) alu – Неясно, рун. сакр. слово (Ølst); - laþulaukaR gakaRalu – Рун. сакр. формула: gakaR неясно (Skåne 1)
2	auja	<ul style="list-style-type: none"> - aujaalawinaujaalawinaujaalawinjalawid – Возможно, ‘счастье Алавин (повторяется трижды), Алавид’ (Skodborg); - hariuhahaitika:-farauisa: gibuauja- ‘я прозываюсь Хариуха, мне ведомо опасное, приношу счастье’ (Sjælland 2)
3	laþu	<ul style="list-style-type: none"> - frohilalaþu – Возможно, имя собств. Фродила и рун. сакр. слово (Darum 1); - houaR/laþu x x x – Имя собств.? Рун. сакр. слово? (Fup 1); - laþulaukaR ·gakaRalu – Рун. сакр. формула: gakaR неясно (Skåne 1)
4	laþa	alistr[i]hl[a]þawihu – Неясно (Heilfingen)
5	ungandiR	-ekgudijaungandiRim – ‘Я, жрец, не подвержен колдовству’. Или имя собств. (Nordhuglen)
6	gudija	-ekgudijaungandiRim – ‘Я, жрец, не подвержен колдовству’. Или имя собств. (Nordhuglen)
	Lina	- linalaukaRf – Рун. сакр. формула (Fløksand).
	laukaR	<ul style="list-style-type: none"> - linalaukaRf – Рун. сакр. формула (Fløksand); - ?lauR – Возможно, сокращ. вместо laukaR (Allesø); - laukaR – Рун. сакр. слово (Árs); - laukaRtantuli: al- Рун. сакр. слово, остальное неясно (Börringe); - laþulaukaR ·gakaRalu – Рун. сакр. формула: gakaR неясно (Skåne 1)

Таблица 2

Надписи, назначением которых является защита захоронений

№	Лексема	Текст надписи, перевод (название надписи)
1	erilaR	- ekerilaR – ‘Я, эриль’ (Bratsberg); - ekirilaRhroRaR-hroReRortepataRinautalaif.ϥdR – ‘Я, эриль Хрорарь, сын Хропера, сделал эту жертвенную плиту’. Конец надписи неясен’. (Бу); - I uba Rhite::harabanaR II hait III ekerilaR IV runoRwaritu... ‘называюсь, Х. называюсь, я эриль начертил руны...’ (Järsberg); - ekerila Rasugisalamuhahaitegagagaginugahelijahagalawijubig x – ‘Я, эриль Ансугислы (есмь?), прозываюсь Уха’. Остальное неясно’ (Kragehul II); - ekerilaRsawilagaRhateka.. – ‘Я, эриль, называюсь Савилагаз (?)’ (Lindholm); - ekwagigaRirilaRagilamudon – ‘Я, Вагигаз, эриль Агиламу (н) ды’ (Rosseland); - krlus? – ‘Я, эриль?’ (Rozwadów); - ekirilaRwiwilan – ‘Я, эриль Вивилы’ – (Veblungsnes).
2	ginugahelija?	- ekerila Rasugisalamuhahaitegagagaginugahelijahagalawijubig x – ‘Я, эриль Ансугислы (есмь?), прозываюсь Уха’. Остальное неясно (Kragehul II);
3	hAidRruno ?	- hAidRrunoronu/fAlAhAkhAiderAg/inArunAR ArAgeu/hAerAmAlAusR/ utiAR. welAdAude/sARpAtbArutR – Толкование отдельных слов не совсем ясно. ‘Я спрятал здесь могучие руны. Да будет тот во власти беспокойства и беспутства, да погибнет тот коварной смертью, кто это разрушит!’ (Björketorp)
4	raginaku(n)do	- runofahiraginakudotoj x aunaϥou::suhurah::sushi x x tinhakuϥo- Толкование допускает лишь начало надписи: ‘Я нарисовал руны, происходящие от высших сил...’ (Noleby)
5	ϥϥArAbAsbA	- ϥϥArAbAsbA – ‘Зловещее предзнаменование’ (Björketorp)

Приведенные краткие рунические надписи, несущие в себе устойчивые магические формулы, могли использоваться в качестве магического оберега. Данные талисманы или амулеты могли приносить счастье и удачу, в виду того, что такие надписи изначально содержат слова «благо» и «счастье»: Auja – ‘благо’, ‘счастье’, ‘благополучие’, alu – ‘счастье’, ‘благоденствие’, ‘удача’ и ‘успех’, ungandiR – ‘неподдающийся колдовству’, ‘неуязвимый’, gudija –

‘священнослужитель’, lina- в сочетании linalaukaR обозначает магическую формулу [Макаев, 2010, с. 118, 120, 133, 141], laukaR – лук, атрибут фаллического культа [Проскурин, 1999, с. 211].

Также сакральная лексика использовалась при толковании рун; древние германцы считали, что руны наделены магическими свойствами. Древнеримский историк Гай Корнелий Тацит писал про оккультное значение рун, в частности про обычай гадания на жеребьевых палочках. Согласно Тациту, древние германцы, как никто другой, были проникнуты сильной верой в приметы и гадания. Они срубали с плодового дерева ветку и нарезали ее плашками. После нанесения на них особых знаков, их высыпали «как придется» на белоснежную ткань. Затем, если гадание производилось в общественных целях, жрец (или глава семьи), устремив свой взор в небо и вознеся молитвы богам, трижды вынимает по одной плашке и толкует предсказание в соответствии с выскобленными на них заранее знаками [Тацит, 2010, с. 450].

Нужно также упомянуть об одном принципиально важном моменте в рунической технологии – об окрашивании вырезанных знаков и предметов, на которых они были вырезаны. В доказательство данному утверждению выступают столь часто встречающийся глагол fahido или faihido (я выкрасил, окрасил). Приведем примеры, в которых встречается данный глагол:

- «...dagastiRrunofaihido – начало надписи не сохранилось. ‘Дагастиз руны выписал’ (Einang);
- swabahaŋjaR s.irawidaR stainawarijaRfahido – ‘Свабахаряз, Сайравидаз?, Стайнаварияз, я выписал’ (Rö);
- flagdafaikinaRistx x x magoRminastaina x x faihido – неясна первая часть надписи: ‘устрешенный злыми силами?’ ... камень моего сына...нарисовал (руны?)’ (Vetteland)» [Макаев, 2010, с. 102, 105, 108].

И что самое важное, чаще всего руны окрашивались в красный цвет, что являлось символом магической замены крови (краской в данном случае выступали либо красная окись свинца, либо свинцовый сурик, но в наибольшем почете была охра). В подтверждение этому – исландская сага XIII в. «Сага об Эгиле» и сравнительная историческая лингвистика, предоставляющая для нас весомые данные о магическом значении красного цвета у германских народов. «Древнеанглийское слово *teafor* – древнее название красной охры; это же слово известно и в древневерхненемецком языке, где оно записывается как *zouber* («магия, гадание»), и в древнеисландском – как *taufr* («талисманный магия, талисман»). Скорее всего, одним из древнейших способов «заниматься колдовством / магией» было «окрашивание (красной охрой)» какого-либо символического предмета и непременно в сочетании с передачей магической силы.

Как отмечают Ю. С. Степанов и С. Г. Проскурин, даже на фоне рун уже проявляется символизм, различаются «злые» и «добрые» руны. Так, в рунах [h] haal *hagl ‘град’ означает ‘разруха’, скорее всего это является одним из злых природных демонов; [i] iiz *eis ‘лед’, ‘холод’ является именем одной из «зловещих рун». Остальные руны можно охарактеризовать как «добрые» [Степанов, Проскурин, 1993, с. 57]. Дьювел рассматривает руны с точки зрения самостоятельных слов, они могли заменять целые слова (табл. 3). Такие руны именуются *Begriffsrunen* [Düwel, 2004, p. 121–148] (приводится по: [Ивлева, 2012, с. 79–80]).

Таблица 3

Руны как самостоятельные слова

Руна	Имя руны	Значение
f 	*fehu cattle	(movable) property
u 	*üruz aurochs	(manly strength?)
þ 	*þurusaz Thurse, giant	(terrible, pernicious force)
a 	*ansuz the deity Anse	Ase
r 	*raidö journey	riding, carriage
k 	*kaunan(?)	ulcer, illness
g 	*gebö	Gift
w 	*wunjö(?)	Joy
h 	*hagaglaz masc./*haglan neut	Hail (sudden ruin)
n 	*naudiz need	Necessity, constraint of fortune
i 	*isaz masc./* isan neut	ice
j 	*jëran	(good) year
ï 	*iwaz	Yew-tree
p 	*perþö (?)	A fruit-tree?
z/r 	*algiz elk	(defence, protection?)
s 	*söwilö	sun
t 	*tîwaz	Tyr (the old sky-god)
b 	*berkanan	birch-twing
e 	*ehwaz	horse

m 	*mannaz	man
l 	*laguz	water
ŋ 	*ingwaz	God of the fertile year
d 	*dagaz	day
o 	*öþalan/öþilan	Inherited property

Что касается надписей, назначением которых является защита захоронений, то они представляют собой заклинания, направленные на причинение всяческих бед без желания адресанта самолично участвовать в нанесении вреда. Надписи приводятся по: [Макаев, 2010, с.100–101]:

-hAidRrunoronu/fAlAhAkhAiderAg/inArunAR
ArAgeu/hAerAmAlAusR/utiAR. welAdAude/sARpAtbArutR – Толкование отдельных слов не совсем ясно. ‘Я спрятал здесь могучие руны. Да будет тот во власти беспокойства и беспутства, да погибнет тот коварной смертью, кто это разрушит!’ (Björketorp); – uрArAbAsbA – ‘Зловещее предзнаменование’ (Björketorp).

С. Г. Прокурин отмечает, что в германской традиции сохранено глубинное индоевропейское представление об основном боге германского пантеона, об отце всех павших воинов – Одине. Примечательно, что руна занимает 4-ю позицию в руническом ряде и связана с именем бога Одина. Данный рунический знак часто используется во фразе «Я такой-то руны сделал (нарисовал)» [Прокурин, 2005, с. 13, 157]. В связи с этим не исключено, что такая стандартная руническая фраза использовалась именно при захоронениях (надписи приводятся по: [Макаев, 2010, с. 101, 103–105, 108]):

- runofahiraginakudotoj x aunaþou::suhurah::sushi x x x tinhakuþo- Толкование допускает лишь начало надписи: ‘Я нарисовал руны, происходящие от высших сил...’ (Noleby);

- ekerilaR – ‘Я, эриль’ (Bratsberg);
- ekirilaRhroRaR-hroReRortepataRinautalaif.udR- ‘Я, эриль Хрорарь, сын Хрорера, сделал эту жертвенную плиту’. Конец надписи неясен’. (By);

- I uba Rhite::harabanaR II hait III ekerilaR IV runoRwaritu... ‘называюсь, X. называюсь, я эриль начертил руны...’ (Järsberg);

- ekerila Rasugisalasmuhahaitegagaginugahelijahagalawijubig x – ‘Я, эриль Ансугислы (есмь?), прозываюсь Уха’. Остальное неясно’ (Kragehul II);

- ekerilaRsawilagaRhateka.. – ‘Я, эриль, называюсь Савилагаз (?)’ (Lindholm);

- ekwagigaRirilaRagilamudon – ‘Я, Вагигаз, эриль Агиламу (н) ды’ (Rosseland);

- krlus? – ‘Я, эриль?’ (Rozwadów);
- ekirilaRwiwilan- ‘Я, эриль Вивилы’ – (Veblungsnes).

Имя захороненного не записывалось, вместо этого наносилась формула «Я такой-то руны сделал». Следует отметить, что в языке древних рунических

надписей слово *erilaR* рунологи трактуют по-разному. Так, М. Улсен считает, что это руническое слово обозначает маг, и сравнивает его с латинским словом *Chaldeus* 'волшебник' и греческим словом $\mu\acute{\alpha}\gamma\omicron\varsigma$ 'маг', которое является названием иранской жреческой касты. Примерно такого же толкования придерживаются Л. Якобсен и Э. Кроман. Э. Эльквист полагает, что данный рунический термин обозначает представителя господствующего класса в Скандинавии. С. Бугге сопоставляет слово *erilaR* с именем герулов. В свою очередь, Андерсон интерпретирует этот термин исходя из наличия трех самостоятельных лексем: 1) *erilaR* – 'маг', 'волшебник', 'жрец'; 2) *erulaR* – этнический термин 'герул'; 3) **erlaR* – 'человек', 'воин' [Макаев, 2010, с. 122].

Предметы (обереги, брактеаты, парапеты, дощечки и т. п.), назначением которых являлась защита их обладателей или увеличение эффективности магических воздействий самих предметов благодаря наличию сакральной рунической лексики, изначально создавались для долгосрочного пользования, для передачи из поколения в поколение. В связи с этим и краткие рунические надписи, несущие в себе устойчивые магические формулы, и надписи, целью которых являлась защита захоронений, имели исторический горизонт и были направлены на передачу из поколения в поколение, а не на сиюминутную коммуникацию.

Представляет особый интерес в области сакральной лексики и руническое имя, которое является «воплощенным именем» (в смысле А. Гардинера), «которому архаическое сознание приписывает креативную функцию. Начертание имен было само по себе речевым актом большой важности. Поэтому не существует разрыва между развернутыми формулами и надписями, состоящими из одного имени: последние представляют собой полноценные рунические тексты. Не существует и разрыва между так называемыми «сакрализованными» именами (неотделимыми, в свою очередь, от величальных эпитетов) и именами, употреблявшимися за пределами ритуала. Имя *swabahaŕjaz* в надписи из Rø, имеющее соответствия в различных германских языках (двн. *Suabheri*, дс. *Suafhere*, да. *Svæfhere*, дисл. *Sváfarr*) во всех отношениях подобно имени *Steinawaŕjaz* в той же надписи, хотя последнее по своей внутренней форме («Житель Камня», II компонент в герм.-лат. *Wojwarii*, *Chattuarii*, дисл. *Rómverjar*, *Þjóðverjar*, *skipverjar*) принадлежит к числу сакрализованных имен. Вне зависимости от распространенности имени, руническая надпись возвращает его в сферу ритуала, которой оно принадлежит по своему происхождению» [Смирницкая, 2008, с. 43].

Кратким руническим и неруническим надписям присущ принцип кумулятивности. Согласно А. С. Центнер, аутореферентность является признаком кумулятивности на уровне языка в период перехода от устной культуры к письменной, аутореферентность обусловлена необходимым сохранением характерных черт более ранней традиции в последующей. Она заключается в том, что адресант заявляет о себе в создаваемом тексте, при этом автор надписи, а также создатель вещи остаются за текстом, таким образом, на первый план выступает сама вещь. Примером такого явления могут послужить англосаксонские нерунические надписи на предметах. «Говорящий предмет» – наследие устной культуры, ведь именно в устной культуре субъект речи и ситуация общения неразделимы, поэтому в ранних письменных памятниках это

необходимо для того, чтобы надписи доносили информацию, легко читались. А. С. Центнер приводит сначала *формулу мастера*, имеющую следующий вид: «имя + личное местоимение 1 л. ед. ч. в косвенном падеже + глагол прош. вр. изъяв. накл. 3 л. ед. ч.», а затем и следующую *формулу владельца*: «1) имя + личное местоимение 1 л. ед. ч. в косвенном падеже + глагол наст. вр. изъяв. накл. 3 л. ед. ч. или, реже, 2) имя + личное местоимение 1 л. ед. ч. в косвенном падеже + глагол прош. вр. изъяв. накл. 3 л. ед. ч.» [Проскурин, Центнер, 2009, с. 30–33, 37].

В качестве примеров приведем следующие англосаксонские нерунические надписи, отражающие 1) формулу мастера и 2) формулу владельца [Okasha, 1971, p. 49, 57; Проскурин, Центнер, 2009, с. 33]:

- 1) ✚ DRANMAL| MEPOHTE – Драхмал меня сделал (изготовил);
- 2) ✚ ÆLFGIVV MEA[H] | – Элфгив мной владеет.

А. С. Центнер также указывает на то, что аутореферентность может проявляться в тех случаях, когда субъект заявляет о себе прямо, выходя на передний план; яркий пример – древние рунические надписи, в которых прослеживается имитация речи [Проскурин, Центнер, 2009, с. 37]. Приведем следующие примеры, обозначающие деятелей, выдвигающие их на первый план и тем самым заставляющие древние рунические надписи обрести речь:

- hadulaikaR ekhagustadaR hlaiwidomaguminino – ‘Хадулайказ. Я, Хагустадаз, похоронил моего сына’ (KjØlevig);
- ekhra . aRsatido. tain .anaxxx – ‘Я, Храбаз? Поставил камень (в память о...)’ (Rö). [Макаев, 2010, с. 103, 105].

Однако О. А. Смирницкая именует такие надписи перформативными формулами, причем «под перформативностью подразумевается совпадение значения надписи с самим осуществляемым действием типа «Я, такой-то, пишу (режу, крашу и т. п.) руны»». Перформативные формулы принадлежат к числу самых распространенных на памятниках II–VI вв. Они встречаются как на камнях (Gummarp, Reistad, Einang, Varmen, Tune), так и на отдельных предметах – пряжках из Nøvling и Eikeland, коробочке из Garbølle. К ним относятся по своему типу надпись на золотом роге из Gallehus (ek hlewagastiz holtijaz horna tawido), надпись на рукояти меча из Vimose (makija mariha iala), а также надпись на погребальном камне из KjØlevik (hadulaikaz ek hagusta (Idaz hlaiwido magu minion)) [Смирницкая, 2008, с. 45].

Таким образом, особая роль в кратких рунических и нерунических надписях отводится сакральной лексике, которую не всегда можно истолковать. Для надписей характерно наличие аутореферентности, обусловленной сохранением черт ранней традиции в последующей. Благодаря «передаче» информации, которая имеет исторический горизонт, современный адресат способен общаться с древними германцами, изучая краткие надписи, выполненные древними руническими и неруническими знаками. «Передача» информации представляет собой диахронию, отпечаток (с использованием материального носителя осуществляется связь между адресантом и адресатом) и вечность (благодаря связям через поколение возможен исторический горизонт «передачи», направленный на инвариант накопления (на все эпохи)). В данном случае краткие надписи заключаются в исчезновении пространственных и временных

границ. «Передача» является переносом информации во времени между различными пространственно-временными сферами. Иными словами, «передачей» является сообщение, имеющее отношение к динамике коллективной памяти (см. [Дебре, 2010]). «Письмо используется у них для записи определенного текста, мыслимого вне письма, для передачи информации. В связи с этим стоит и синтаксическое усложнение надписей, развитие рунической орнаментики, в которой абсолютизируется принцип линейности, а также, вероятно, и сам переход от старшего (24-значного) к младшему (15-значному) руническому ряду» [Смирницкая, 2008, с. 47]. Краткие рунические и нерунические надписи являются ярким примером «передачи» информации, их можно охарактеризовать с точки зрения кумулятивности, так как они ориентированы на передачу информации из поколения в поколение. Данные надписи изначально были ориентированы на вечные фундаментальные ценности, такие как защита захоронений, представляющие собой заклинания, направленные на причинение всяких бед без желания адресата лично участвовать в нанесении вреда. Или же надписи, нанесенные на предметах (оберегах, брактеагах, парапетах, дощечках и т. п.), назначением которых являлась защита их обладателей или увеличение эффективности магических воздействий самих предметов благодаря наличию сакральной рунической лексики, изначально создавались для долгосрочного пользования, для передачи из поколения в поколение.

Литература

- Дебре Р. Введение в медиологию / Пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Практикс, 2010. 368 с. (Серия «Образ общества»).
- Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей: лингвистический и историко-филологический анализ. М., 2010.
- Проскурин С. Г. Концептуальные системы в индоевропейском языке и культуре. Проблема «коды» и «тексты». М., 1999.
- Проскурин С. Г. Семиотика индоевропейской культуры: Учебник. 2-е изд., перераб. и испр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
- Проскурин С. Г., Центнер А. С. К предьстории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2009.
- Смирницкая О. А. Избранные статьи по германской филологии. М.: МАКС Пресс, 2008.
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М.: Наука, 1993.
- Тацит К. Анналы. Малые произведения / Пер. с лат. А. С. Бобовича; под ред. Я. М. Боровского, М. Е. Сергеевко. М., 2010.
- Düwel K. Runic // Early Germanic Literature and Culture / Eds. B. Murdoch, M. Read. Camden House, 2004.
- Okasha E. Anglo-Saxon Non-Runic Inscriptions. L., Cambridge University Press, 1971.

Article metadata

Title: Sacred lexis of the earliest runic and non-runic inscriptions as a semiotic way to transfer the information.

Author: A.V. Proskurina.

Author's e-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com.

Author affiliation: Novosibirsk State Technical University.

Abstract: The article deals with sacred lexis of the earliest runic and non-runic inscriptions. The author considers peculiarities of the earliest inscriptions in the context of different final causes; the author divides them into two thematic groups: 1) inscriptions, which include stable magic formulae; 2) inscriptions, which protect graves. The author presents examples of «good» and «bad» runes, and runes, which were used as independent words. The author points out, that short runic and non-runic inscriptions are bright examples of transmission of information: they may be characterized in the context of cumulativeness, because these inscriptions are oriented upon transmission of valuable information from a generation to a generation.

Key terms: sacred lexis, runic inscription, non-runic inscription, apotropaetic function, cumulativeness, autoreferential, performative formulae

Reference literature (in transliteration):

Debray R. Vvedenie v mediologiju / Per. s fr. B. M. Skuratova. M.: Praxis, 2010. (Serija «Obraz obshhestva»).

Makaev Je. A. Jazyk drevnejshih runicheskikh nadpisej: lingvisticheskij i istoriko-filologicheskij analiz. M., 2010.

Proskurin S. G. Konceptual'nye sistemy v indoevropskom jazyke i kul'ture. Problema «kody» i «teksty». M., 1999.

Proskurin S. G. Semiotika indoevropskoj kul'tury: Uchebnik. 2-e izd., pererab. i ispr. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2005.

Proskurin S. G., Tsentner A. S. K predystorii pis'mennoj kul'tury: arhaicheskaja semiotika indoevropcejev / Novosib. gos. un-t. Novosibirsk, 2009.

Smirnickaja O. A. Izbrannye stat'i po germanskoj filologii. M.: MAKS Press, 2008.

Stepanov Ju. S., Proskurin S. G. Konstanty mirovoj kul'tury. Alfavitny i alfavitnye teksty v period dvoeverija. M.: Nauka, 1993.

Tacitus C. Annaly. Malye proizvedenija / Per. s lat. A. S. Bobovicha; pod red. Ja. M. Borovskogo, M. E. Sergeenko. M., 2010.

Düwel K. Runic // Early Germanic Literature and Culture / Eds. B. Murdoch, M. Read. Camden House, 2004.

Okasha E. Anglo-Saxon Non-Runic Inscriptions. L., Cambridge University Press, 1971.